

сандра Калягина, Олега Янковского. «Кризис сорокалетних» тех лет, будучи кризисом советской идентичности, дававшей человеческой жизни осмысленную стратегию, в то же время стал началом гораздо более масштабного кризиса той ментальности, которая, кажется, до дна исчерпала свои возможности воспроизводства «идентичностей». По-видимому, были исчерпаны возможности **определенной формы** компромисса между восточной установкой на традиционализм и западной осевой установкой на развитие, которую как раз и поддерживала возникшая во времена принятия православной миссии от Византии оппозиция идеологического «верха» и народно-фольклорного «низа».

Однако впервые с **такой необходимостью** явившийся нам плюрализм, вытесняя аскетичную черно-белую идеологию, вступает в пока еще не оформившийся в идеологическое противостояние, но очевидный конфликт с неотчужденным в «экзотику» народно-фольклорным «низом», ибо этот «низ» не в состоянии существовать без своего «верха», своего «хозяина», своего alter ego.

Г. С. Радич

Уральский университет (Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Проблемы взаимодействия России и стран Западной Европы волнуют общественное сознание россиян со времен Петра Великого. Особую актуальность они приобрели ныне, в период всеобщей глобализации. Во многих процессах интеграции России и западного мира мешают стереотипы, укоренившиеся в массовом сознании. Запад пугает непредсказуемость русских — «загадочность души», склонность к максимализму. С другой стороны, россияне, «глядясь в зеркало европейской цивилизации», продолжают уверять себя в своем особом предназначении и небуржуазной ментальности.

Новое время как исторический период для анализа взаимодействия Западной Европы и России выбран не случайно. Основное содержание периода — переход от традиционного общества к индустриальному, ломка традиционных устоев во всех сферах жизнедеятельности человека.

Трудности этого затянувшегося процесса для России поставили вопрос о скрытых механизмах, определяющих поведение как отдельного человека, так и целых социальных групп; о русском генотипе и русской ментальности.

В вековой дискуссии о различиях в культурно-историческом развитии Европы и России основные позиции сводятся к двум тезисам: 1) различия объясняются самобытностью России или 2) ее отставанием от Европы. При этом в русской историографии очень сильна традиция сопоставлять себя с Европой, тогда как в западной науке, напротив, проявляется тенденция соотносить Россию с Востоком, а значит, отделять ее от Европы.

Попробуем разобраться лишь в нескольких аспектах проблемы. Во-первых, русских и европейцев разъединяет национальный характер. Ментальность, особенности психологии. Различия начинаются с восприятия времени и истории. Западные психологи выделяют 4 типа людей в зависимости от склонности ориентироваться на прошлое, будущее, текущий момент или оптимизирующий расчет — ностальгический, футуристический, конъюнктурный и аналитический типы поведения. На Западе превалирует конъюнктурный и аналитический варианты, а в России — ностальгический и особенно футуристический. Отсюда и разное отношение к решению проблем.

Психолог и психиатр Карл Густав Юнг, размышляя над стереотипами мышления и поведения человека Запада, обратил внимание на три фундаментальных положения:

1. Запад занят внешним, предметно-материальным миром, в отличие от Востока, который обращен к внутреннему, духовному.

2. Европейец не может воспринимать мир сердцем, он делает ставку на интеллект, поэтому с легкостью недооценивает все, что ему незнакомо, непонятно.

3. В западном образе мышления природа рассматривается как исток предметного (атомизированного) мышления и по-

стижения мира. Западная наука это, по сути дела, наука о материи.

Итак, западный дух — рационалистический дух. Он никак не озабочен ни предыдущими, ни последующими жизнями. Он ищет феномен спасения в высших силах, но не в душе, не в самоуглублении. Юнг констатирует наличие у Запада «иллюзий всевластия» благодаря его могучей технике и отсутствию ясного понимания «собственной неполноценности». Действительно, Адам Смит, провозгласив еще в XVIII в., что забота каждого из товаропроизводителей о собственности служит основанием блага их всех и потому конкуренция между ними в конечном счете идет на всеобщую пользу, не предполагал, что на основе технологических переворотов современные производители создадут такую мощь, которая поставит под угрозу судьбу всего человечества.

Конечно, Россия не Восток. Но абсолютное большинство историков и философов выделяют такую особенность России, как духовность, понимая ее в том же смысле, что и Юнг, т. е. духовность как часть восточного образа мышления. Россияне разделяют христианский взгляд на мир, но, в отличие от католической Европы, в более близкой к Востоку форме, форме православия. К примеру, в средневековой западноевропейской культуре сложилась трехчастная модель потустороннего мира — ад, чистилище и рай, — дающая надежду на спасение. Православие же не знает золотой середины чистилища, ад и рай — два полюса посмертного бытия, мрачная перспектива для простого смертного. Видимо, сам выбор веры нашими предками отражал особенности их сознания и мышления.

Поразительным проявлением отсутствия прагматизма являются великоросский «авось» и русская бессребренность. О бессребренности россиян, т. е. отсутствии привязанности к частной собственности, заговорили как о черте характера, чрезвычайно затрудняющей переход России к рыночной экономике. Действительно, если в Западной Европе процесс закрепления земель в частную собственность в основном завершился к концу XI в., то в России этот вопрос всерьез встал только после отмены крепостного права в 1861 г. Огромные земельные пространства, подзолистые, малоурожайные почвы в совокупности с суровым климатом предопределили приоритет общин-

ного уклада жизни, малоэффективных технологий (до XVII в. сохранялась подсечно-огневая система землепользования) и своеобразной системы выживаемости. В таких условиях формировался стереотип экономического поведения великоросса: экстенсивность, неуважение к собственности, прежде всего — к государственной; мздоимство на государственной службе, неуважение к закону; склонность к утопическому мышлению. Сформировавшееся в условиях непредсказуемой природы великоросское «авось» дополнило картину: неприязнь к точным расчетам, действиям по графикам и программам, строгой деловой организации. Эта «небуржуазность» стала важнейшей чертой российской истории, экономики, политики, характера народа. Отсюда российская удаль, ширь, нелюбовь к мелочности, скопидомству, отсутствие сравнительно с Западом презируемого мещанства; легкость, неприхотливость. И в то же время — бесхозяйственность, нежелание и неумение считать, рассчитывать, склонность к штурмовщине, «трудовому героизму» вместо размеренной повседневной работы, легкий переход от бунта к рабству, произвол, недостаток правового сознания. Поэтому в обстановке хронической нестабильности формируется традиция сверхцентрализации, централизованной дисциплины, подчинения государству. А она имеет тенденцию перерастать в огосударствление всех сторон жизни — в тоталитаризм. Традиция духовности в этих условиях переходит в государственную религию либо идеологию. А способность к долготерпению дает этим тенденциям накапливаться вплоть до взрыва (мятежа). Хроническая социально-психологическая неустойчивость русского общества проявляется в колебаниях между сверхгосударственностью и анархией, между религиозностью и атеизмом, между сердобольностью и насилием, между рабством и вольностью. Современные психологи объясняют это ярко выраженной эпилептоидной компонентой русского генотипа, определяющей гиперболизацию отдельных черт характера до такой степени, что они начинают отрицательно влиять на поведение человека, и особый способ мышления по принципу «за — против», «белое — черное», «построить — разрушить» и пр.

Устойчивость западноевропейского общественного сознания, по их мнению, в синтезе трех слагаемых: «христианского принципа любви», «греческого принципа Разума» и «теории

общественного договора». Несмотря на рационализм, общество ориентировано на христианские ценности. Определяемая христианством общественная мораль касается не только личных отношений людей, но и деловой жизни. Протестантизм освободил людей от давления религии в практической жизни. «Античное наследие» позволило постепенно, шаг за шагом, выстроить отношения между властью и народом, что способствовало формированию гражданского общества и правового государства. В общественном сознании укрепилось убеждение в необходимости постоянного развития, прогресса, движения вперед. Конечно, европейская история также далека от идиллии. Однако в Европе даже революции, взрывающие ход истории, не бросали общество из крайности в крайность, а вели к утверждению политических идеалов: от Великой хартии вольностей 1215 г. через Великую английскую и французскую революции, давшие миру экономический и социальный идеал развития, к утверждению во второй половине XIX в. парламентских систем власти.

Интересно, что Россия, являясь духовной наследницей Византии, также могла использовать «античное наследие». Однако характер усвоения ею этого наследия в отличие от Западной Европы, был иным, как бы из вторых рук. Как и в Европе, в России процесс приобщения к византийской (а вместе с ней и к античной) культуре имел несколько периодов. Первый из них, XI–XII вв., характеризуется как период подъема, возникновения в Византии «новой культурной атмосферы», неортодоксальной мысли. Западная Европа испытывает влияние Византии, особенно Италия, знакомится с оригиналами произведений Платона, Аристотеля. В России же переводная литература и в это время, и в более поздние века была сориентирована на ранневизантийскую традицию — «официальную», каноническую, несущую в основном идеи морали, религиозной мистики, враждебность «латинству». Это помешало воспринять гуманистические и политические идеалы Античности, развило склонность к психоанализу.

Другой источник формирования основ европейской и российской цивилизаций — влияние Востока. Но и здесь итоги различные. Западная Европа испытала влияние утонченной культуры Востока в основном через арабов, взяв у них есте-

ствознание и философию, а Русь — дикого Востока. Хотя завоевание монголами части территории Руси не привело к искоренению здесь христианства, основ народной культуры, оно, однако, сказалось на уровне менталитета населения, усилив «азиатское» мироощущение, проявляющееся в слабо выраженном личностном сознании и «огосударствлении» индивида.

Как видим, отличия европейца и русского сводятся к следующим оппозициям:

- личность — несuverенный, сервильный человек;
- демократия — пристрастие к сильной власти;
- приоритет частной собственности — бессребреничество;
- прагматизм мышления — склонность к иллюзиям.

Однако при всей массе доказательств отличий европейцев и россиян, думается, надо иметь в виду, что, во-первых, вряд ли они определяют характер народа в целом; во-вторых, вряд ли ментальность народа остается в неизменном виде в течение столетий. Так, само понятие России вызывает затруднения у аналитиков. Основы национального характера, генотипа складываются в медвежьем углу Великой Русской равнины между XIII и XVI вв. Однако в XVIII–XX вв. это уже Российская империя. Поэтому механически переносить характеристики периода Киевской или Московской Руси на современное общество недопустимо. Более разумным представляется осмысление России через концепцию цивилизационной неоднородности. Исходная идея заключается в том, что Россия расположена между мощными центрами цивилизаций Востока и Запада, в зоне, где постоянно сохраняется напряжение, проявляющееся в бесконечных конфликтах. Имея прочную и сильную государственность, она способна гасить эти конфликты, создавая тем самым благоприятные условия для жизни и развития этносов, волей судеб населяющих пограничные земли. Поэтому Россия после XVIII в. должна рассматриваться как особый конгломерат народов, относящихся по типам к разным цивилизациям, объединенным мощным всероссийским ядром. Таким образом, реально часть территорий Российской империи (Польша, Финляндия, Прибалтика, отчасти Кавказ) развивалась в русле западноевропейской цивилизации, часть (Средняя Азия) — в русле восточных традиционных цивилизаций, а центр — в своеобразной форме почвеннической цивилизации. При известных

характеристиках Запада и Востока особенности России как цивилизации не могут быть поняты через концепцию «промежуточной цивилизации» А. Ахиезера, ибо она обладает особым, тройным своеобразием. К особенностям почвеннического типа цивилизации можно отнести наличие, с одной стороны, коллективных форм собственности, а с другой — слоя свободных крестьян-общинников (Север, Сибирь). Наличие мощной крестьянской общины (замкнутой социальной организации), но не носящей деспотического характера, как на Востоке, критическое отношение к торговле и предпринимательству как недостойному занятию, господство в общественном сознании людей народоправства, соборности, православного понимания справедливости и гармоничности мира — до середины XVII в. с этим типом жизни была связана основная часть населения. В целом это уклад традиционного государства полувосточного типа с достаточно медленными темпами развития. Однако он не только создал свою богатую культуру (Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Иоанн Кронштадский, Н. Лесков...), но и был благодатной почвой для блистательной русской культуры в целом.

Сложность понимания России заключается еще и в том, что цивилизационные линии раскола делили не только ее территорию, но и само общество по нескольким направлениям: народ и власть, интеллигенция и народ, сам народ делились на отдельные группы по системам ценностей. На большинство, отстаивающее традиционные уравнилельные почвеннические ценности, и меньшинство, склонное идти путем либерализации, предпринимательства, рынка. Сама интеллигенция, проповедующая ценности западноевропейской цивилизации, особенно в политической и культурной сферах, была далека от народных масс. Раскол, начавшийся как церковный, а затем проявившийся во множестве форм, многие мыслители (Н. Бердяев, П. Сорокин и др.) считали основной особенностью российской цивилизации. Вероятно, именно это делало цивилизационное поле России очень хрупким. Несмотря на то, что империя была действительно унитарным государством, преодолеть в его рамках различия трех основных типов цивилизации и создать единую культурно-цивилизационную базу оказалось невозможно. Это, в свою очередь, привело к назреванию цивилизационного кри-

зиса в России, усиленного напряжением внутри каждого из типов цивилизации, что определило судьбу империи в начале XX в. Возможно, выбор принципиально нового, социалистического пути развития, т. е. пути социального эксперимента, был связан с попыткой преодоления кризиса цивилизации.

Сегодня Россия существует в иных географических рамках. Но суть проблемы осталась. С одной стороны, подчиняясь логике мирового развития, осуществляя модернизацию общества, Россия мигрирует в сторону либеральных ценностей, т. е. пытается примкнуть к западной цивилизации, решая извечный вопрос: Россия — Запад или Восток? Но с другой стороны, процесс этот в очередной раз идет без видимого успеха. Вероятно, внутренняя культурно-цивилизационная основа («почва») все еще сохранена и обрекает Россию на поиск собственного пути. Но какого на этот раз? Сегодня видно, что глобальные процессы не привели к унификации и нивелировке национальных культур и смешению этносов. Напротив, они вызвали взрыв этнического чувства, стремление сохранить свою идентичность, своеобразие, сберечь то историко-культурное наследие, которое досталось от предков. Это дает возможность россиянам, не отказываясь от глубинных национальных черт, воспринять необходимый опыт Запада. Опыт преодоления всевозможных расколов в российском обществе, его многонациональность и общность судьбы создали достаточную базу для формирования в стране толерантности как неперменной составляющей нашего мышления, залога успешного взаимодействия со странами всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

Хачатурян Н. А., Хачатурян В. М. Средневековая культура России и Западной Европы: идентичность и расхождения. М., 1995. С. 62–80.

Юнг К.-Г. О психологии восточных религий и философии. М., 1994. С. 22–42.

Ключевский В. О. Афоризмы, исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 29–79.

Ольсевич Ю. Хозяйственная система и этнос // *Вопр. экономики.* 1993. № 8.

Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 48–53, 117.